

© 2012 г. И.В. Демидченко

УДК 101

**ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКА
В ИСТОРИОПИСАНИИ:
НАРРАТИВ И ЕДИНИЧНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ**

Перед современной англосаксонской философией истории стоит дилемма, и выбор дальнейшего пути будет означать развитие всего массива философско-исторического знания. Пространство выбора лежит между модернистской и постмодернистской ветвями развития, хотя более корректно было бы сказать – между «нарративистской философией истории» и «эпистемологической философией истории» [1, с. 84]. Эпистемологическая традиция занимается поиском критериев истины, а также обоснованием исторических описаний. Ее задача заключается в установлении истинности результатов работы (высказываний) историка. В противовес ей, нарративистская философско-историческая традиция заостряет внимание на лингвистическом аппарате историка, который помогает расширить понимание прошлого. Ее главной задачей является нахождение различия между используемым историком языком и тем, о чем он (язык) говорит. В свою очередь, эпистемологическую философию истории интересует отношение между историческими высказываниями и их предметом.

Эпистемологическая традиция своими корнями уходит к попыткам избежать немецкого историзма, к отказу от спекулятивной философии истории, к попыткам реконструировать историческое объяснение на основе МОЗ (модели охватывающего закона) и к герменевтике Р.Дж. Коллингвуда. Первые два момента были отвергнуты из-за некорректности их применения. Последние же два пункта соответствуют требованиям эпистемологической традиции, дополняя ее слабые стороны.

Историография, в современном ее виде, является результатом перехода от Просвещения к романтизму. Этот переход ознаменовался переключением внимания с социальной среды и ее истории, со всеми коннотация-

ми (понятие «Я» как трансцендентальное, так и романтическое, отношение «Я» и общества в рамках естественного права и прочее) на более новый уровень, хотя все еще остающийся под влиянием Просвещения. Так, например, кантовский вопрос о возможности знания, который так же подкреплялся тенденцией обосновать научный статус истории, перекочевал в историографию. История, как писал Р.Дж. Коллингвуд, является наукой особого рода [2, с. 240]. Для начала рассмотрим общие высказывания (лингвистическая форма для выражения знания), а затем исторический нарратив (лингвистическая форма, используемая историками).

Д. Юм в своей работе «Исследование о человеческом разумении» писал о неизменности человеческой природы на всем протяжении исторического развития: одни и те же поступки порождаются все теми же мотивами. Для описания действий человека эпохи Просвещения и естественного права, в которую жил Д. Юм, необходимо признать общие правила, которым они подчиняются. Эти критерии должны, соответственно, разделяться всеми представителями естественного права. В итоге получается, что общее высказывание о человеческом действии должен принять так называемый всеобщий субъект. Всеобщий субъект владеет всеобщим знанием, и для него нет тайных уголков универсума, все раскрывается перед его взором, даже сам всеобщий субъект. Таким образом, мы имеем язык, который не имеет никаких перспектив. Он зажат рамками общих положений и является абсолютно нейтральной средой, с помощью которой познается социально-историческая реальность.

С другой стороны, историк всего лишь организует исторические сущности на основе исторических данных. Он и не должен был что-то открывать и объяснять, он должен организовывать. В этой ситуации язык становится пластичным, он приспособливается к нуждам историка, не являясь уже пассивным и неизменным. Общее высказывание становится обобщением бесконечного числа единичных высказываний, что, по сути, является задачей нарратива, но с той лишь разницей, что нарратив представляет собой «собрание» большого конечного числа единичных высказываний.

Стоит провести различие между нарративом и общим высказыванием. Общее высказывание по своей природе является обобщением единичного, чего нельзя сказать о нарративе, который состоит из большого числа еди-

ничных высказываний и не может быть редуцирован до единичного высказывания, поскольку единичное высказывание индивидуализирует нарратив. Так же стоит отметить, что при переходе от единичного высказывания к общему не вводится ничего нового, в отличие от нарратива, где при каждом его использовании создается нечто новое. Нарратив предполагает отдельного историка; в свою очередь, историков достаточно много и нарративов тоже много, но это не приводит к отрицаниям, но совсем наоборот: все более увеличивающееся количество интерпретаций расширяет наш взгляд на прошлое. Мы можем судить о нарративе в рамках его лингвистического содержания. Так, понятие «Ренессанс» отсылает не к прошлому, но только лишь к нарративной интерпретации.

Язык в историографии не просто пассивный посредник между познающим субъектом и миром. Язык существенен; он является вещью и обладает собственной субстанциональностью. Это можно увидеть у М. Фуко. Можно сделать вывод, что эпистемологических связей между нарративом и исторической реальностью не существует, как их не существует между вещами, однако эти связи наличествуют между языком и вещью. Эпистемология в данных рамках ставит проблему, которую зачастую считали внутридисциплинарной, имеющей отношение только к историческому знанию. Истинность исторических высказываний, как замечал Р. Дж. Коллингвуд, в последней инстанции недостижима, поскольку прошлое как объективная реальность больше не существует. Мы никогда не сможем сопоставить высказывания историков с самим прошлым, однако, по мысли Р. Дж. Коллингвуда, историк воспроизводит прошлое в своем сознании, делая его современным для себя, что дает ему возможность высказывать истинные утверждения относительно конкретного исторического этапа.

По замечанию Л. Голдстейна, прошлое не может быть источником знания, поскольку оно не дано нам в опыте и объектом не выступает, хотя его мы часто путаем со следами, которые оно нам оставило в виде документов, картин, артефактов и так далее. Следовательно, мы имеем лишь конструкции, которые строят историки, основываясь на дошедших до нас документах. Для более детального разбора конструктивизма Л. Голдстейн приводит два уровня исторического письма: это инфраструктура и надстройка. Надстройкой является собственно нарратив, то есть лингвисти-

ческая структура, с которой мы сталкиваемся при чтении работы по истории. Инфраструктура – это методы, используемые историком при работе с историческими документами и далее при написании нарратива, то есть в процессе создания надстройки. По мнению Л. Голдстейна, надстройка не менялась с самого зачатка истории, то есть со времен Фукидида, чего нельзя сказать об используемых методах, которые совершенствуются вместе с прогрессом человечества. Решающую роль в выборе той или иной интерпретации прошлого играет инфраструктура, которая позволяет на основе совершенных методов более ясно сконструировать прошлое.

Критикуя позицию констуктивизма (наряду с верификационизмом), стоит отметить, что происходит смешение референции с верификацией. Получается, что историки работают не с прошлым, а со свидетельствами верификации высказываний. С другой стороны, имеются прошлое и нарратив, а задача состоит в нахождении точек соприкосновения между ними, тем более, если есть, допустим, несколько нарративов и все они содержат только истинные описания исторического периода. Для выбора более удачного нарратива необходимо сравнить их между собой на предмет соответствия с прошлым. Но для подобного сравнения нет третьего, промежуточного звена или критерия, став на позицию которого мы имели бы возможность произвести оценку соответствия нарративов. Но затруднение нарративного историописания не разрешится только лишь при помощи апелляции к прошлому как аргументу. Суть кроется в использовании языка для построения нарратива, поскольку высказывания о прошлом являются знанием о прошлом.

Историк строит свой нарратив в надежде, что именно те высказывания, которые он использует, максимально раскрывают его позицию, с которой стоит смотреть на прошлое. Нарративы в целом, исходя из этой позиции, не имеют когнитивного знания, в отличие от высказываний, которые обладают этой способностью. Однако существует две более обширных, чем знание, области – это демонстрация прошлого и предложение позиции, с которой нужно смотреть на прошлое. Еще Новалис утверждал, что они организуют наше знание, не будучи сами этим знанием. Иначе говоря, нарратив является позицией, точкой зрения, став на которую возможно «работать» с прошлым. Но

при этом возникает вопрос: где различие между действительными предложениями и «пустыми» или бесполезными?

Для начала необходимо рассмотреть входящие в нарратив высказывания. Ясно, что при обсуждении нарратива он выступает в качестве субъекта совершенно других высказываний не этого нарратива, поскольку высказывания нарратива являются только его высказываниями. Это говорит о том, что нарратив в данной ситуации выступает как внелингвистическая вещь (как стол или стул).

В итоге складывается понятие нарратива, который является попыткой определить связь между языком и реальностью. Историк предлагает нам пройти по его следам и посмотреть на прошлое с его точки зрения, и именно в этом помогают предложения (единичные высказывания), которые составляют нарратив. Эти предложения не несут ни эпистемологической нагрузки, ни самого знания, но дают основу нашему знанию о прошлом, так сказать, организуют его. Ни в коем случае не стоит недооценивать их роль в построении нарратива и фундамента нашего обращения с прошлым, поскольку предложения, будучи единичными, но не всеобщими, признаются какой-то частью исследователей, а значение их не общезначимо, что не делает их законами, а побуждает историков к рациональной дискуссии.

Диалог историков наталкивает на тот аспект, что мы рано или поздно должны прийти к выводу, но вывод этот проблематичен, поскольку предложения, как мы уже выяснили, несопоставимы с реальностью. Критерием разумности предложений выступает высказывание, обозначающее нарратив, а, обсуждая его как вещь внеязыковой реальности, мы приходим к совершенно иному выводу. Происходит сращивание языка и вещи. Язык и реальность становятся по одну сторону, а нарративные предложения – по другую. В рамках классической традиции мы работаем с языком и реальностью, вокруг которых группируются проблемы истины, эпистемологии, онтологии и пр. С другой стороны, нарративы-предложения не отсылают к реальности и более того, ей не соответствуют. Таким образом, есть только ссылки в языке, которая не является при этом частью самого языка.

Начиная с раннего периода своего современного состояния (с 40-х годов XX века) философия истории использовала словари описания и объяснения,

так как прошлое понималось как бесконечное число фактов, нуждающихся в интерпритации. Данный подход вызвал множество вопросов, главным образом эпистемологических, касающихся истинности этих интерпретаций. Позже, а именно в 70-е гг., вошел в употребление новый словарь, словарь герменевтики и нарратива. Теперь задача историка должна заключаться в интерпретации прошлого, однако в герменевтике произошел разрыв и одна ее часть – аналитическая герменевтика, представителями которой являются Р.Дж. Коллингвуд, У. Дрей, Г. фон Вригт, – помимо интерпретации прошлого, требовала от историка еще и объяснения прошлого, основываясь на словаре МОЗ. В итоге получился гибрид из двух различных словарей.

Традиционно герменевтика занимается интерпретацией значения и, если говорить о прошлом в этом ключе, то оно, как собрание смыслов, должно быть интерпретировано. Вскоре эпистемологические вопросы утратили свою силу, и интерес переместился из сферы отношения между словами и вещами, в плоскость отношения слов между собой. Но не стоит так увлекаться словарем интерпретации смысла. Он имеет свои недостатки. Так, термины «смысл» и «интерпретация» могут быть полезными, если мы говорим об интерпретации смысла человеческого действия (аналитическая герменевтика) или об интерпретации текста (континентальная герменевтика). Оба словаря имеют свои недостатки. В качестве своеобразной альтернативы Ф. Анкерсмит предлагает словарь репрезентации. Историк репрезентирует прошлое, и это сближает его с живописцем (тенденция к сближению философии истории и эстетики).

Словарь репрезентации, в отличие от словаря смысла и интерпретации, безотносителен к смыслу, поскольку своим предметом он имеет не само прошлое, а только лишь исторический текст. То есть смысл рождается из того, что само по себе смысла не имеет. Смысл репрезентационен и является результатом понимания мира художником или, например, историком, то есть требует, чтобы мы смотрели на мир глазами их репрезентаций. Смысл имеют только мир и его репрезентация. Хотя тут возникают некоторые трудности, например, если картина репрезентирует нечто несуществующее. Эту проблему пытался решить Н. Гудмен, говоря, что фраза «*a* репрезентирует *b*» не подразумевает чего-либо, относящегося к существованию *b*. Это возможно, если «репрезентация единорога»

«рассматривается как неделимый единичный предикат или класс-термин, подобный "столу" и "доске". Мы ничего не можем получить в границах любого из них и квантифицировать их по частям» [1, с. 179]. То есть репрезентация ничего не сообщает о существовании репрезентируемого объекта и, даже наоборот, может репрезентировать положение вещей, существование которых исключено законами физики, например.

История и искусство имеют много общего. Обе сферы занимаются репрезентацией реальности и раскрытием ее смысла. Мы не берем в данном случае в расчет историю искусства, так как она занимается изучением репрезентации реальности (картин), а историк создает, подобно живописцу, репрезентации, наполняя реальность смыслом. Это означает, что мы подходим к историописанию с позиций эстетики, что давно уже имеет место, хотя и не очень популярно (еще Квинтилиан замечал, что история очень близка к поэзии). Так, Б. Кроче в своей работе «История, подведенная под понятие искусства» обозначил точку отсчета совместного шествия искусства и истории. Хотя впоследствии Х. Уайт раскритиковал Б. Кроче, отмечая, что последний в своей работе всего лишь заменил искусство на термин «идеографическая наука», который использовали В. Виндельбанд и Г. Риккерт. «История должна быть отнесена к концепции искусства на основании того, что оба репрезентируют индивидуальное как таковое» [1, с.186].

Репрезентация, как в искусстве, так и в истории служит скорее заменой реальности, нежели простым ее мимесисом или имитацией. Двойная ситуация складывается, ведь репрезентация больше мимесиса и в то же самое время им не является. Так получается потому, что с помощью репрезентации реальность вновь воссоздается, но тем не менее репрезентация уступает даже самому грубому и примитивному знаку. Художник находится в более удобном положении, чем историк; историку не дано прошлое, как художнику дана реальность. В искусстве наряду с репрезентацией так же присутствует и то, что репрезентировано, и в этом его основное отличие от историографии, поскольку единственное, что имеется, так это репрезентация прошлого. Столкновение с этим затруднением происходит из-за отсутствия объекта истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М., 2009.
2. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980.

LITERATURE

1. *Ankersmit F.R.* History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor. M., 2009.
2. *Collingwood R.G.* The idea of history. Autobiography. M., 1980.

Кубанский

государственный университет

14 июня 2012 г.
